

ПРОЯВЛЕНИЕ СИЛЫ ВЕСТФАЛЬСКОГО МИФА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

СТЕФАН БОЛАК

1. Введение. На календаре 1648 год. Для международного права это точка начала отсчета, генезис, рождение системы.¹ Кроме того, 1648 год — это окончание Тридцатилетней войны в Европе, завершившейся подписанием Вестфальского мира. По своей сути, то, что известно как «Вестфальская модель» международных отношений, построено на убеждении, что это немецкое княжество является колыбелью нашей современной международной системы государств, так как именно здесь отдельные самостоятельные государства Священной Римской империи обрели свой суверенитет.² «Традиционная европейская система международного права уходит своими корнями в Вестфальский договор 1648 г., который ознаменовал официальное признание государств, как суверенных и независимых политических единиц (курсив мой. — С. Б.)»,³ — пишет Чарлз Райн. Таким образом, Вестфалия всегда рассматривалась как «краеугольный камень

Стефан Болак,
доктор философии
(Университет Кэмбриджа),
профессор Юридического
факультета Университета
Монреаля, Канада

© С. Болак, 2011
Пер. О. Завитневич.
© О. Завитневич, 2011 (перевод)
E-mail: stephane.beaulac@umontreal.ca

¹ Дэйвид Кеннеди пишет: «Международные правоведы сильно раздули значимость 1648» (см.: *Kennedy D. Primitive Legal Scholarship // Harvard Int'l L. J.* 1986. No. 27. P. 1).

² Среди классиков, которые заняли данную позицию или признали ее обоснованность, см.: *Wheaton H. History of the Law of Nations in Europe and America — From the Earliest Times to the Treaty of Washington, 1842.* New York, 1845. P. 69; *Westlake J. Chapters on the Principles of International Law.* Cambridge, 1894. P. 66; *Oppenheim L. F. E. International Law — A Treatise.* London: Longmans, Green. 1905. No. 1. Peace. P. 60; *Higgins A. P. International Law and the Outer World, 1450–1648 / The Cambridge History of the British Empire, The Old Empire, From the Beginnings to 178 /* Eds. J. H. Rose, A. P. Newton & E. A. Benians. Cambridge, 1929. No. 1. P. 206; *Morgenthau H. J. The Problem of Sovereignty Reconsidered / Columbia L. Rev.* 1948. No. 58 P. 341; *Falk R. A. The Interplay of Westphalia and Charter Conceptions of the International Order // The Future of the International Legal Order: Trends and Patterns /* Eds. R. A. Falk & C. E. Black. Princeton, 1969. No. 1 P. 32; *Grewe W. G. The Epochs of International Law.* Berlin & New York, 2000. P. 7.

³ *Rhynes C. S. International Law — The Substance, Processes, Procedures and Institutions for World Peace with Justice.* Washington, 1971. P. 9.

современной системы международных отношений»⁴ и международного права.⁵

За последние тридцать лет ученые-правоведы исписали много бумаги относительно того, обоснованно ли считать 1648 год годом рождения системы.⁶ Упрощая ситуацию, можно сказать, что исследователи делятся на сторонников Вестфалии — по одну сторону дебатов, и ее скептиков — по другую. К первой группе можно отнести Калеви Дж. Холсти с его книгой «Война и мир — вооруженные конфликты и международный порядок, 1648–1989»,⁷ а также Джона Дж. Рагги и его статью «Территориальность и за ее пределами: проблематика современности в международных отношениях».⁸ Подобную идею разделяет Хендрик Спруит, который в своей работе «Суверенное государство и его конкуренты» пишет, что Вестфальский мир «официально признал систему суверенных государств».⁹ Совсем недавно Даниэль Филпотт в своей книге «Революции в суверенитете: Как идеи формируют современные международные отношения» высказывает мнение о том, что «до 1648 года, в то время как еще теплились очаги Тридцатилетней войны, существенные черты политической власти в Европе были несовместимы с суверенным статусом государства; после нее суверенитет стал преобладать».¹⁰

Среди правоведов второй группы, так называемых скептиков Вестфалии, в первую очередь надо назвать Стивена Краснера, который в своей знаменитой статье «Вестфалия и все прочее» недвусмысленно пишет, что «традиционное мнение о том, что Вестфальский мир 1648 г. ознаменовал поворотный момент в истории, является заблуждением».¹¹ В своей статье «Суверенитет, международные отношения и Вестфальский миф» Андреас ОсиаNDER цитирует работы нескольких приверженцев Вестфальской концепции и убедительно заявляет: «Такие цитаты можно приводить бесконечно, в то время как реальные соглашения не подтверждают ранее цитируемые заявления: решения, на которые они ссылаются, — всего лишь плод воображения».¹² Работа Дерек Крокстона «Вестфальский мир 1648 года и происхождение суверенитета» также критикует сторонников

⁴ Poggi G. The Development of the Modern State — A Sociological Introduction. London: Hutchinson. 1978. P. 89.

⁵ Eds. P. Daillier & A. Pellet. Nguyen Quoc Dinh — Droit international public, 5th ed. Paris: Librairie générale de droit et de jurisprudence. 1994. P. 50: «Юридические мирные договоры Вестфалии могут рассматриваться как начальная база всей эволюции современного международного права». — См. также: Anzilotti D. Cours de droit international. Introduction — Théories générales. Paris, 1929. No. 1. P. 5; Gross L. The Peace of Westphalia 1648–1948 / American J. Int'l L. 1948. No. 42. P. 28.

⁶ Автор данной статьи впервые заинтересовался Вестфальским миром на рубеже веков, будучи еще докторантом в Кэмбриджском университете.

⁷ Holsti K. J. Peace and War — Armed Conflicts and International Order, 1648–1989. Cambridge, 1991. P. 25.

⁸ Ruggie J. G. Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations / International Organization. 1993. No. 47. P. 137.

⁹ Spruyt H. The Sovereign State and Its Competitors. Princeton, 1994. P. 27.

¹⁰ Philpot D. Revolutions in Sovereignty: How Ideas Shaped Modern International Relations. Princeton. 2001. P. 77.

¹¹ Krasner S. D. Westphalia and All That / Ideas and Foreign Policy — Beliefs, Institutions, and Political Change / Eds. J. Goldstein & R. O. Keohane. Ithaca & London, 1993. P. 235. — См. также: Krasner S. D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton, 1999.

¹² OsiaNDER A. Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth / International Organization. 2001. No. 55. P. 261.

Вестфальской идеи: «Необходим большой творческий потенциал, чтобы приписать суверенитет к Вестфальскому миру, каким образом это традиционно делают правоведы». ¹³ И, наконец, в книге, озаглавленной «Миф 1648 года», Бенно Тешке показывает безосновательность традиционной интерпретации Вестфальского мира с точки зрения исторической и теоретической перспективы. ¹⁴

В своей работе, впервые опубликованной в 2000 г., ¹⁵ автор данной статьи занял твердую позицию скептика Вестфалии, демонстрируя с точки зрения истории международного права, что мирные договоры 1648 г. являются для международного сообщества не более чем мифом о происхождении. Настоящая статья обосновывает данное утверждение с эмпирической точки зрения, рассматривая реальные юридические документы, подписанные в конце Тридцатилетней войны в Европе. В заключительной части статьи высказывается мнение, что, несмотря на то что это лишь «миф о происхождении», ¹⁶ Вестфальский мир имеет огромную популярность в коллективном сознании общества. ¹⁷

2. Вестфальский мир. Рассмотрим подлинные документы соглашения *constitutio Westphalica* с целью доказать, что догма, согласно которой 1648 год может считаться датой рождения современной системы государств, не подтверждается историческими фактами. И первый аспект, на который нужно обратить внимание — это то, что Вестфальский мир, подписанный 24 октября 1648 г., состоял из двух отдельных документов: ¹⁸ *Оснабрюкского мирного договора*, заключенного между королевой Швеции и ее союзниками, с одной стороны, и Священной Римской империей и немецкими принцами — с другой стороны, а также *Мюнстерского мирного договора*,

¹³ Croxton D. The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty // International History Review. 1999. No. 21. P. 588.

¹⁴ Teschke B. The Myth of 1648 — class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations. London; New York, 2003.

¹⁵ Beaulac S. The Westphalian Legal Orthodoxy — Myth or Reality? // J. History Int'l L. 2000. No. 2. P. 148. — См. также: Beaulac S. The Power of Language in the Making of International Law — The Word Sovereignty in Bodin and Vattel and the Myth of Westphalia. Leiden; Boston, 2004.

¹⁶ Мифы можно классифицировать согласно их сюжетам, т. е. о чем они повествуют, хотя, конечно, любая такая попытка довольно сомнительна, поскольку категории не взаимоисключают друг друга и границы между ними довольно размыты. Тем не менее, говоря общими словами, можно выделить следующие типы мифов: (i) этиологические мифы, затрагивающие происхождение вещей; (ii) эсхатологические мифы, т. е. об окончании вещей; (iii) сотериологические мифы, рассматривающие важное спасение; (iv) ритуальные мифы, соединяющие обряды с повествованием; (v) героические мифы, повествующие о героических делах и подвигах (см.: Day M. S. The Many Meanings of Myth. Lanham & London, 1984. P. 21–27). Этиология заинтересована в происхождении вещей и причин их появления (см.: Thomas Lawson E. The Explanation of Myth and Myth as Explanation / J. American Academy of Religion. 1978. No. 46. P. 507).

¹⁷ Идея «сознания человечества» заимствована из моральной философии Гегеля, а именно из его «Феноменологии духа» (Hegel G. W. F. Phenomenology of Spirit. Oxford; New York, 1977. P. 383–409). Идея «сознания», ассоциируемого с группой людей, была предложена Г. Батлером (Butler G. Sovereignty and the League of Nations / British Y. B. Int'l L. 1920–1921. No. 1. P. 42), который рассматривает слово «суверенитет» и в особенности выражение «внешний суверенитет», используя идеи нового раздела психологии.

¹⁸ Тем не менее для участников было крайне важно достигнуть заключения «единого мира» (см.: Steiger H. Concrete Peace and General Order: The Legal Meaning of the Treaties of 24 October 1648/ 1648 — War and Peace in Europe / Eds. K. Bussmann & H. Schilling // Politics, Religion, Law and Society. Münster, 1998. No. 1. P. 444).

подписанного между королем Франции и его союзниками, представлявшими одну сторону, и императором и принцами, представлявшими другую.¹⁹

Хотя мирные договоры воздавали должное единству христианского мира,²⁰ важно то, что они также включали многочисленные политические единицы.²¹ Швеция и Франция настаивали на участии немецких принцев как представляющих стороны договора; данный шаг явно имел своим намерением ослабить позицию императора по отношению к принцам. По существу, договоры были не просто инструментом, посредством которого устанавливался мир между воюющими сторонами, эти договоры также затрагивали конституционные вопросы внутри Империи.²² Действительно, ст. 70 Мюнстерского договора гласит:

Для большей прочности всех и каждой из данных статей существующее Соглашение будет служить регулярному Закону и установленным санкциям Империи и должно быть внесено, наряду с другими основополагающими законами и конституциями Империи, в Постановления следующего Парламента Империи и Имперской Капитуляции; применимое не только к присутствующим, но и отсутствующим, как к духовным, так и к мирским, независимо от того, являются ли они государствами Империи или нет: до такой степени, чтобы оно было предписанным Законом, неизменно соблюдаемым как имперскими чиновниками и служащими, так и лордами, судьями и всеми судебными чиновниками (курсив мой. — С. Б.).²³

Такое большое количество задействованных лиц как в Империи,²⁴ так и за ее пределами, кажется, может служить *априорным* свидетельством

¹⁹ Полные тексты Оснабрюкского и Мюнстерского мирных договоров могут быть найдены как в латинском, так и в английском вариантах в: *Consolidated Treaty Series / Ed. C. Parry. Dobbs Ferry, U. S.: Oceana Publications. 1969. No. 1. P. 119, 270* (далее — «Серии договоров»).

²⁰ Ближе к концу преамбулы Оснабрюкского договора говорится, что стороны «согласились между собой, во Славу Бога и сохранности христианского мира»; также в Мюнстерском договоре можно прочесть, что соглашение достигнуто «во Славу Бога и процветания христианского мира» (орфография модернизирована) (см.: *Серии договоров // Ibid. P. 199–200, 321.* — См. также: *Osiander A. The States System of Europe, 1640–1990 — Peacemaking and the Conditions of International Stability. Oxford, 1994. P. 27–30.* Этот автор замечает, что посланники правителей на мирных переговорах рассматривали себя как часть сообщества, базирующегося на христианской религии.

²¹ Преамбула Оснабрюкского договора констатирует в заключении: «Избиратели, принцы и государства Священной Римской империи присутствуют, одобряют и соглашаются»; подобно последней преамбуле Мюнстерского соглашения заканчивается словами: «В присутствии и с согласия избирателей Священной Римской империи, принцев и государств» (*Серии договоров // Ibid. P. 200, 321*) (орфография модернизирована). Различные политические единицы, составляющие Империю, общим числом, доходившим до 332, также упомянуты в текстах двух Вестфальских договоров (*McNair A. D. Law of Treaties — British Practice and Opinions. Oxford, 1938. P. 70.* — См. также: *Redslob R. Histoire des grands principes du droit des gens — Depuis l'antiquité jusqu'à la veille de la grande guerre. Paris, 1923. P. 215–216.*)

²² *Lesaffer R. The Westphalia Peace Treaties and the Development of the Tradition of Great European Peace Settlements Prior to 1648 / Grotiana. 1997. No. 18. P. 71, 77; Bilfinger C. Les bases fondamentales de la communauté des États / R. C. A. D. I. 1938. No. 63. P. 156.*

²³ *Серии договоров: Consolidated Treaty Series. P. 353* (орфография модернизирована).

²⁴ *Holsti K. J. Peace and War — Armed Conflicts and International Order, 1648–1989. P. 25.* — Автор пишет: «Конгресс [Вестфалии] объединил основные разнородные политические союзы Европы, существовавшие в данный период. На нем присутствовало 145 делегатов, представлявших 55 юрисдикций, включая Священную Римскую империю

окончания имперского трансцендентального доминирования в Европе.²⁵ Тем не менее следующий далее анализ Вестфальского мира выходит за рамки этого начального *фасада* и показывает, что мир не означал, что на место умирающей Империи пришли отдельные независимые немецкие княжества. Необходимо подробно рассмотреть подлинные соглашения, подписанные в 1648 г., чтобы показать, что их основные цели и материально-техническая сторона не имеют никакого отношения к созданию системы государств.

2.1. *Вопросы религии. Исходя из текста (acquis) Аугсбургского мирного договора 1555 г.*,²⁶ первым и важным заключением является то, что главной целью Вестфальского мира было установление режима религиозных практик и деноминационных вопросов.²⁷ Хотя Вестфальские мирные договоры открыто не упраздняли принцип, согласно которому монарх может сам определять религию на вверенной ему территории, они в то же время предоставляли определенные конституционные гарантии.²⁸ Действительно, было внесено несколько положений с целью ограничения и сокращения существовавшей до этого момента абсолютной власти принцев в вопросах религиозной сферы.²⁹ Наиболее конкретное из этих положений в ст. 5 параграфа 11 Оснабрюкского мирного договора устанавливает, что правитель, решивший изменить свою религию, не может заставить своих подданных следовать ему.³⁰

Договоры также формально признавали свободу вероисповедания для католиков, проживающих на протестантских территориях, и наоборот, что также включало защиту практики богослужения и религиозного образования. Статья 5 параграфа 28 Оснабрюкского договора гласит:

Установлено, что для общего блага вероисповедующие религию *Аугсбурга* (т. е. протестанты), проживающие в католических землях, и католики в государствах *Аугсбургского* вероисповедания, которые не могли практиковать свою религию публично или приватно в 1624 г. и которые после издания Мирного договора могут исповедовать и избирать религию, отличительную от религии правителя данного государства, согласно условиям данного Мирного договора будут терпеливо сноситься и дозволяться без каких-либо препятствий и помех посещать их религиозные собрания в их церквях или частных домах со всей свободой вероисповедания, без всякой инквизиции или притеснений, и даже будут получать помощь в их окрестности так часто, как они найдут это нужным, в публичном вероисповедании, и посылать своих детей в иноземные школы их религии или обучать их в семьях с частными

и все основные королевства за исключением Великобритании [и России], а также важные герцогства, маркграфства, ландграфства, епископства, свободные города и имперские города». См. также: *Gerhardt V. On the Historical Significance of the Peace of Westphalia: Twelve Theses / 1648 — War and Peace in Europe / Eds. K. Bussmann & H. Schilling // Politics, Religion, Law and Society. Münster, 1998. No. 1. P. 485.*

²⁵ *Steiger H. Concrete Peace and General Order: The Legal Meaning of the Treaties of 24 October 1648 / 1648 — War and Peace in Europe. P. 422.*

²⁶ Аугсбургский мирный договор признавал и узаконивал протестанские религии (лютеранство и кальвинизм) и давал правителю право устанавливать религию своих подданных (см.: *Gagliardo J. G. Germany under the Old Regime, 1600–1790. London, 1991. P. 16 ff.*)

²⁷ *Pagès G. La guerre de trente ans — 1618–1648. Paris, 1949. P. 247–249.* — О религиозных практиках до и после 1648 г. см. также: *Krasner S. D. Sovereignty and Intervention / Beyond Westphalia? — State Sovereignty and International Intervention / Eds. G. M. Lyons & M. Mastanduno. Baltimore; London, 1995. P. 234–236.*

²⁸ *Hobza A. Questions de droit international concernant les religions / R. C. A. D. I. 1924. No. 5. P. 377–378.*

²⁹ *Ward A. W. The Peace of Westphalia / The Cambridge Modern History / Eds. A. W. Ward, G. W. Prothero & S. Leathes / The Thirty Years' War. Cambridge, 1934. No. 4. P. 416.*

³⁰ *Серии договоров. Consolidated Treaty Series. P. 218–219.*

преподавателями; при условии, что данные вассалы и подданные исполняют свои обязанности во всех других отношениях и держат себя в послушании и подчинении, не давая повода для нарушений или волнений.³¹

Кроме того, такие инакомыслящие не должны были «исключаться из гильдий купцов, ремесленников или компаний, лишаться права преемственности, наследования, доступа к общественным больницам, инфекционным больницам, домам престарелых (богадельням), а также других прав и привилегий».³² Люди, проживавшие в деноминационно смешанных городах — Аугсбурге, Дункельфиле, Биберахе, Равенсбурге, Кауффберге, — могли свободно исповедовать свою религию без каких-либо «досаждений или беспокойств».³³

Более того, Оснабрюк поощрял равноправие между католиками и протестантами в Ассамблеях Парламента и других законодательных учреждениях Империи.³⁴ Например, параграф 42 ст. 5 гласит, что «в обычных Ассамблеях Депутатов Империи число председательствующих из одной и из другой религии должно быть одинаковым».³⁵ И соответственно в юридических процедурах Имперского Суда стороны могли требовать религиозного равенства судей.³⁶ Эти права, предоставленные лютеранским протестантам («Конфессия Аугсбурга»), были также распространены на кальвинистских протестантов («Реформаторов»)³⁷

2.2. Территориальное урегулирование. Второй предмет Вестфальского мира касался вопроса территориального урегулирования, а практически — *удовлетворения территориальных притязаний* Швеции и Франции. Шведское давнее притязание в отношении южного побережья Балтийского моря получило юридическую силу в Оснабрюкском мирном договоре. Согласно договору Западная Померания, острова Рюген, Уздом и Воллин, Ременское и Вердунское епископства и порт Висмар переходили Шведской Короне.³⁸ Тем не менее надо подчеркнуть, что акт о передаче земель не был абсолютным, Швеция получала эти территории как имперские *феодалные поместья*.³⁹ Действительно, ст. 10 Оснабрюкского договора моногратно констатирует, что все земельные передачи являются «бессрочными и непосредственными феодальными владениями Империи».⁴⁰ Шведский правитель также получал право занимать избирательные места в Парламенте, представляющие эти регионы внутри Империи.

Согласно Мюнстерскому договору Франция получала земли «со всеми правами юрисдикции и суверенитета, без каких-либо претензий со стороны Императора, Империи, Австрийского Двора или других сторон».⁴¹ Таким образом, в отличие от Швеции, Французская Корона получала

³¹ Ibid. P. 228–229 (орфография модернизирована).

³² Статья 5, параграф 28 Оснабрюкского договора (Ibid. P. 229) (орфография модернизирована).

³³ Статья 5, параграф 24 Оснабрюкского договора (Ibid. P. 225–227) (орфография модернизирована).

³⁴ Ward A. W. The Peace of Westphalia. P. 414.

³⁵ *Серии* договоров. Consolidated Treaty Series. P. 234–235 (орфография модернизирована).

³⁶ Статья 5, параграф 45 Оснабрюкского договора (Ibid. P. 237–238).

³⁷ Статья 7 Оснабрюкского договора (Ibid. P. 239–240) (орфография модернизирована).

³⁸ Статья 10 Оснабрюкского договора (Ibid. P. 244–249).

³⁹ Ward A. W. The Peace of Westphalia. P. 403–404.

⁴⁰ *Серии* договоров. Consolidated Treaty Series. P. 244–247.

⁴¹ Статья 76 (Ibid. P. 341) (орфография модернизирована).

полное право и власть над большинством передаваемых территорий,⁴² которые включали епископства Metz, Тул и Вердун,⁴³ а также земли под названием Пинероло.⁴⁴ Права Австрийского Двора в отношении региона Эльзаса также передавались Франции,⁴⁵ но со значительными оговорками. Действительно, ст. 92 Мюнстерского договора устанавливает:

...Самый Христианский из Королей обязан оставить не только Епископа *Страсбурга* и *Бафля*, с городом *Страсбургом*, но также такие государства или ордены, как Аббатство *Мюрбаха* и *Люедерена*, находящиеся в той или другой части *Эльзаса* и напрямую зависимые от *Римской* Империи; Аббатиссу *Андлавыен*, Монастырь Святого *Беннета* в Долине Святого *Георга*, Пфальцграфство *Люзельфтайн* и всех дворян *Нижнего Альзаса*; кроме того, названные десять имперских городов, которые находятся в ведении *Мэрии Хаганока* и которые обладали определенными привилегиями и владениями до настоящего времени, становятся непосредственными подданными *Римской* Империи. Таким образом, Король не может претендовать на королевскую власть над ними и оспаривать права, принадлежавшие *Австрийскому Двору*, которые согласно данному Мирному договору уступаются *Французской Короне*. В такой манере, однако, это в соответствии с существующей Декларацией ни в коей мере не имеет своей целью умалить суверенную власть, оговоренную выше.⁴⁶

В результате этого дополнения, хотя они официально и переходили под власть Французской Короны, данные части Эльзасской территории сохранили своеобразный автономный статус, основываясь на определенных имперских привилегиях.⁴⁷

*
* * *

Особенно важным для данной дискуссии является то, что положения договора, затрагивающие вопросы вероисповедания и деноминационные вопросы, а также удовлетворения территориальных притязаний Швеции и Франции, несомненно, представляют два главных аспекта Вестфальского мира.⁴⁸ Стороны также официально признали Объединенные Провинции Нидерландов⁴⁹ и открыто одобрили независимость Швейцарской

⁴² Ward A. W. The Peace of Westphalia / The Cambridge Modern History / Eds. A. W. Ward, G. W. Prothero & S. Leathes / The Thirty Years' War. Cambridge, 1934. No. 4. P. 404–405.

⁴³ Статья 71 Мюнстерского договора / Серии договоров. Consolidated Treaty Series. P. 340.

⁴⁴ Статья 73 Мюнстерского договора (Ibid).

⁴⁵ Статья 74 Мюнстерского договора (Ibid. P. 340–341).

⁴⁶ Ibid. P. 345 (орфография модернизирована).

⁴⁷ Pagès G. La guerre de trente ans — 1618–1648. Paris, 1949. P. 258–259. — См. также: Redflob R. Histoire des grands principes du droit des gens — Depuis l'antiquité jusqu'à la veille de la grande guerre. P. 214 (ссылка 3).

⁴⁸ Holsti K. J. Peace and War — Armed Conflicts and International Order, 1648–1989. P. 34.

⁴⁹ В заключение конфликта между Объединенными Провинциями и Испанией последняя признала территориальные границы Нидерландов в мирном договоре, подписанном 30 января 1648 г., также в Мюнстере. Вследствие этого данные территории были исключены из Бургундского имперского круга во время переговоров в Вестфалии, которые косвенным образом законно ратифицировали голландскую независимость от Священной Римской империи (см.: Polišenský J. V. The Thirty Years War. London: Batsford, 1971. P. 236–237; Pagès G. La guerre de trente ans — 1618–1648. P. 254).

Конфедерации,⁵⁰ которая к тому времени уже была свершившимся фактом (курсив мой. — С. Б.).⁵¹

2.3. *Право заключать международные договоры.* Согласно общему мнению, рассматриваемому 1648 год как время разрыва со старым устройством, в договорах существует условие, которое воплощает идею государственности, а именно передавание полномочий власти в вопросах подписания договоров.⁵² Статья 65 Мюнстерского договора гласит:

Они (Немецкие княжества) получают без каких-либо возражений право голоса во всех обсуждениях, затрагивающих дела Империи; и прежде всего в вопросах написания и интерпретации законов, объявления войны, обложения налогами, набора и квартирования солдат, постройки новых фортификаций на территориях государств или укреплении старых гарнизонов; а также при подписании и рассмотрении мирных договоров или альянсов. Такие и подобные вопросы не могут быть рассмотрены в будущем без голосования и одобрения Свободной Ассамблеи всех Государств Империи: *И прежде всего, каждое государство Империи наделяется бессрочным правом заключать альянсы с другими сторонами для своего сохранения и безопасности; тем не менее при условии, что данные союзы не направлены против Императора, Империи, Общего мира и данного Соглашения и без ущерба Клятве, которой каждый присягнул Императору и Империи* (курсив мой. — С. Б.).⁵³

Статья 8, параграф 1 Оснабрюкского соглашения выполнены в том же духе.⁵⁴ Таким образом, политические организмы, составляющие Империю,

⁵⁰ Швейцарская независимость была юридически освещена в ст. 63 Мюнстерского договора, которая гласит: «Относительно жалоб, сделанных от имени города Бафл и всей Швейцарии, в присутствии их полномочных представителей, касающихся нескольких процедур и выполнения, проистекающих из Имперской палаты против упомянутого города, и других объединенных кантонов Швейцарской страны, и их граждан и подданных, Его Императорское Величество передавало существующему Собранию, и тем требуя Совет Государств Империи и их Совета; в соответствии с Декретом от 14-ого мая последнего года, объявляющим, что упомянутый Город Бафл и другие Швейцарские кантоны должны рассматриваться как обладающие полной свободой и независимостью от Империи; так, чтобы они не являлись субъектами юрисдикции и решений суда Империи, и предполагается целесообразным включить данное положение в данный мирный договор и подтвердить это и, таким образом, лишить юридической силы и аннулировать все судопроизводства и наложенные аресты, произведенные на этот счет в какой-либо форме», см.: *Серии договоров*. P. 337 (орфография модернизирована).

⁵¹ *Pagès G. La guerre de trente ans — 1618–1648*. P. 254. — Автор пишет в отношении Нидерландов и Швейцарии: «И наконец ряд статей легализовал уже свершившийся факт, который тем не менее не давал гарантии дипломатического инструмента». См. также: *Hertz F. The Development of the German Public Mind — A Social History of German Political Sentiments Aspirations and Ideas / The Middle Ages — The Reformation*. London, 1962. No. 2. P. 515; *Beller E. A. The Thirty Years War / The New Cambridge Modern History / Eds. J. P. Cooper. The Decline of Spain and the Thirty Years War, 1609–48/59*. Cambridge, 1970. No. 4. P. 358; *Redslob R. Histoire des grands principes du droit des gens — Depuis l'antiquité jusqu'à la veille de la grande guerre*. P. 214–215.

⁵² См., напр.: *Martens de F. Traité de droit international*. Paris, 1883. No. 1. P. 116; *Gidel G. Droits et devoirs des Nations — La théorie classique des droits fondamentaux des États / R. C. A. D. I. 1925*. No. 10. P. 549; *Philpott D. Revolutions in Sovereignty: How Ideas Shaped Modern International Relations*. P. 85; *Redslob R. Histoire des grands principes du droit des gens — Depuis l'antiquité jusqu'à la veille de la grande guerre*. P. 215; *Holsti K. J. Peace and War — Armed Conflicts and International Order, 1648–1989*. P. 35–36; *Osiander A. A. Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth*. P. 46–47.

⁵³ *Серии договоров*. Consolidated Treaty Series. P. 337–338 (орфография модернизирована).

⁵⁴ *Ibid.* P. 241. — См. также: *Lesaffer R. The Westphalia Peace Treaties and the Development of the Tradition of Great European Peace Settlements Prior to 1648 / Grotiana*. 1997. No. 18. P. 71.

получили полномочия независимо заключать соглашения друг с другом и с иностранными государствами. Тем не менее эта правомочность была ясно ограничена предостережением, что такой альянс не мог быть направлен против Империи или нарушал бы соглашения Вестфальского мира. Важно и то, что кроме заключения договоров данные положения закрепляли за Имперским Парламентом всю власть, обычно ассоциируемую с осуществлением высших полномочий над территорией, например, такими, как издание законов, ведение войн, налогообложение.⁵⁵

Более того, создается впечатление, что все данные договоры просто признавали способы ведения дела, которые практиковались уже в течение полувека. Действительно, немецкие князья проводили свою внешнюю политику задолго до Вестфалии. Например, Пфальцграфство и Бранденбург заключили союз с Объединенными Провинциями Нидерландов в 1604 и 1605 гг. соответственно.⁵⁶ Более того, большинство правителей внутри Империи составляли часть вооруженных военных коалиций — Евангелистского Союза и Католической Лиги, — которые существовали в начале Тридцатилетней войны в 1618 г. В свете этой статьи, касающейся права заключать договоры, вряд ли можно рассматривать как инновационную или как неоспоримое доказательство нового независимого статуса немецких монархов.

*
* *

Возвращаясь к выдвигаемой здесь гипотезе, как очевидно из сказанного выше, укажем, что главные вопросы и материально-технические положения Оснабрюкского и Мюнстерского мирных договоров не поддерживают точку зрения о том, что Вестфальский мир составляет парадигматический сдвиг, посредством которого вовлеченные политические стороны получили абсолютную власть над своими территориями. Две основные цели соглашений затрагивают вопросы вероисповедания и территориальных притязаний, а не создания отдельных самостоятельных государств, независимых от высшей власти. Что касается вопросов религии, то немецкие принцы не смогли даже сохранить свою власть; напротив, право *cuius regio eius religio* («Религия правителя определяет религию его государства») было ограничено деноминационной защитой для религиозных меньшинств, и равные права и гарантии были предоставлены католикам и протестантам.

Более того, согласно Вестфальскому миру Империя оставалась главным действующим лицом. Действительно, религиозные гарантии осуществлялись в процессе принятия решений такими имперскими учреждениями, как Парламент и суды. Что касается территориального урегулирования, то претензии Швеции были удовлетворены путем передачи феодальных поместий внутри Империи; таким образом, признавалось прочное господство Императора. Относительно Франции (хотя после передачи земель феодальные связи с Империей были в основном разорваны) часть земель

⁵⁵ Законодательная история этих положений показывает, что стороны первоначально хотели добиться гораздо больших привилегий для принцев, чем это записано в финальной версии Мюнстерского договора (см.: *Bougeant G.-H. Histoire du Traité de Westphalie, ou des Negotiations qui se firent à Munfter & à Ofnabrug. Paris: n. b. 1751. No. 3. P. 428–429.*)

⁵⁶ *Parker G. The Thirty Years' War. London, 1984. P. 2.* — Автор замечает, что наряду с Англией и Францией Пфальцграфство и Бранденбург заключили соглашение о дружбе с Нидерландами, которое помогло последней в ее борьбе против Испании.

в Эльзасе сохранила свой независимый статус, дарованный им Австрийским Двором. И, наконец, право формировать союзы, которым немецкие принцы были официально наделены, как было показано выше, не прибавляло им новой власти: фактически они занимались подобной внешней политикой задолго до этого.

Таким образом, относительно Вестфалии 1648 год не может рассматриваться как поворотный момент в развитии современной международной системы государств. Скорее, результаты конгресса являются не чем иным, как дальнейшим шагом — можно даже сказать, что довольно скромным шагом — в постепенном переходе от идеала универсального господства к идее отдельных самостоятельных политических единиц, обладающих суверенитетом на вверенных им территориях.⁵⁷

3. *Заключение: сила Вестфальского мифа.* Подобно другим обычным словам,⁵⁸ мифы являются мощными социальными продуктами, сами выражаемые посредством языка. Они представляют общую объясняющую структуру значительных областей социально созданной действительности.⁵⁹ За последние полтора века⁶⁰ мифы и мифология стали предметом большого количества научных исследований в разных областях, включающих не только теологию и философию, но и психологию, антропологию, семантику, литературный критицизм, социологию и политологию.⁶¹

Понятие «мифология» соединяет два греческих слова *мифос* и *логос*, которые сначала относились к идее «речи» и «истории».⁶² Сначала *мифосом* называлось то, что «произнесено, сказано».⁶³ Только позднее его стали использовать для обозначения «речи», и начиная с Геродота в V в. до н. э. *мифосом* стали называть вымышленные повествования.⁶⁴ *Логос* означал «очевидные факты», «формальную концептуализацию»,

⁵⁷ Walker T. A. A History of the Law of Nations / From the Earliest Times to the Peace of Westphalia, 1648. Cambridge, 1899. No. 1. P. 148. — Автор, говоря о гибридном политическом статусе Империи и ее составляющих частей, замечает: «Территориальное государство уже долго существовало фактически, но в то же время каждый королевский, герцогский или республиканский правитель провинций был не в состоянии очертить в его границах точные пределы своей юрисдикции; чувство национальной независимости подавлялось в зародыше внушающей страх тенью величественного общего верховного правителя».

⁵⁸ Слова и выражения сами по себе являются действием. Они ментально-общественные понятия, отдельные и независимые от действительности (см.: Austin's «speech-act theory» (Austin J. A. How to do Things with Words. Oxford, 1962)).

⁵⁹ Данное заключение построено на основе теории языка Огдена и Ричардса (Ogden C. K. & Richards I. A. The Meaning of Meaning — A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism, 2nd ed. London, 1927).

⁶⁰ Steblin-Kamenskij M. I. Myth. Ann Arbor: Karoma, 1982. P. 21; Waardenburg J. Symbolic Aspects of Myth / Myth, Symbol, and Reality / Ed. A. M. Olson; London, 1980. P. 60–61.

⁶¹ См. в общем по вопросу: Malinowski B. Myth in Primitive Psychology. London, 1926, reprinted in Malinowski B. Magic, Science and Religion, and the Other Essays. New York, 1955; Lévi-Strauss C. The Structural Study of Myth / J. American Folklore. 1955. No. 68. P. 428, reprinted in Lévi-Strauss C. Structural Anthropology. Middlesex, 1972. P. 206; Strenski I. Four Theories of Myth in Twentieth Century History — Cassirer, Eliade, Lévi-Strauss and Malinowski. London, 1987.

⁶² См. в общем по вопросу: Levin H. Some Meanings of Myth / Myth and Mythmaking / Ed. H. A. Murray. New York, 1960. P. 103.

⁶³ Stambovsky P. Myth and the Limits of Reason. Amsterdam & Atlanta: Rodopi, 1996; The Concise Oxford dictionary of English Etymology / Ed. T. F. Hoad. Oxford, 1986.

⁶⁴ Vernant J. P. Myth and Society in Ancient Greece. Brighton: Harvester, 1980. P. 186 ff.

«рациональное объяснение вещей».⁶⁵ Когда в ходе развития *логос* стал означать «логическое мышление», его сочетание с *мифос* стало до какой-то степени проблематичным, ведь *мифос* рассматривался не как адекватное представление окружающего мира, а просто как история, которая производила эмоциональный эффект на слушателей, а не имела решающую оценку (*логос*).⁶⁶

Это противоречие между *мифосом* как повествованием и вымыслом, с одной стороны, и *логосом* как рациональным объяснением — с другой стороны, осталось существенным до настоящего времени и объясняет тот факт, что в повседневном использовании миф подразумевает элемент придуманного, не отвечающий действительному положению вещей.⁶⁷ В результате этого работы о мифе неизменно содержат *предостережение*, согласно которому нельзя смешивать общераспространенное значение понятия «миф» как синонима метафоры, неправды и искажения с научным и техническим значением, которое имеет миф в общественном сознании общества.⁶⁸ И соответственно эти аллегорическая ценность и семиотическая значимость мифа представляют интерес для данной работы.⁶⁹

Все дело в том, что мифология является одним из способов, которым общество может объяснить самое себя. Общество может использовать этиологические мифы, т. е. мифы о происхождении,⁷⁰ чтобы объяснить свой генезис, создавая, таким образом, систему убеждений относительно того, когда, где и как оно появилось и что собой представляет.⁷¹ Более того, подобно обычным словам,⁷² мифы вовлечены как активно, так и пассивно

⁶⁵ Thomson J. A. K. *The Art of the Logos*. London, 1935. P. 17–19.

⁶⁶ Hatab L. J. *Myth and Philosophy: A Contest of Truths*. La Sall, 1990. P. 334, n. 30. — См. также: Doty W. G. *Mythography — The Study of Myths and Rituals*. Tuscaloosa: University of Alabama Press. 1986. P. 3. — Он пишет что «логос» приобрел смысл слов, обозначающих доктрину или теорию, в отличие от «мифоса», используемого для слов, имеющих приукрашенную или фиктивную повествовательную функцию. Результатом этого развития явилось противопоставление мифологического логическому и далее «истории» в смысле пересмотра и хронологизации событий».

⁶⁷ Flood C. G. *Political Myth: A Theoretical Introduction*. New York; London, 1996. P. 6. — См. также: Vernant J. P. *Myth and Society in Ancient Greece*. P. 186. — Он пишет: «Концепт мифа, унаследованный нами от древних греков, принадлежит по причине своего происхождения и истории к традиции мышления, своеобразной для западной цивилизации, в которой миф определяется относительно того, что не является мифом, будучи противопоставленным, во-первых, действительности (миф — это фикция) и, во-вторых, рациональному (миф абсурден)».

⁶⁸ См., напр.: Leach E. Lévi-Strauss. London, 1970. P. 54. — Автор объясняет, что «особое качество мифа не то, что это неправда, но то, что это божественно истинно для тех, кто верит, и сказка — для тех, кто не верит» (см.: Dundes A. *Introduction / Sacred Narrative — Readings in the Theory of Myth* / Ed. A. Dundes. Berkeley; Angeles, 1984. P. 1).

⁶⁹ Cassirer E. *The Myth of the State*. New Haven, 1946. P. 45. — Автор утверждает, что: «Миф не только далек от реальной действительности; он в какой-то степени в скандальном противоречии с ней. Кажется, что он сотворяет целый фантастический мир. Тем не менее в мифе есть определенный «объективный» аспект и определенная объективная задача. Лингвистический символизм ведет к объективизации смысло-впечатлений; мифический символизм превращает чувства в объективные».

⁷⁰ О различных категориях мифов см. сноску 17.

⁷¹ Flood C. G. *Political Myth: A Theoretical Introduction*. New York; London, 1996. — Автор пишет: «Мифы предоставляют права, гарантии, подтверждения правильности, узаконивание и авторитетные прецеденты для поверий, отношений и методов в любой важной области социального существования».

⁷² Действительно, через когнитивные процессы человеческого мышления язык не только представляет действительность, но он может также играть главную роль

в нашу реальность, отражая и в то же время выдумывая динамичные структуры внутри общественного сознания.⁷³ Таким образом, этиологический миф, каким является Вестфалия, не только представляет реальность, но также создает и трансформирует эту реальность посредством человеческого разума в общественном сознании общества.⁷⁴

Из этого следует, что миф такого масштаба, как Вестфалия, может иметь огромный социальный эффект, рассматриваемый как неоспоримо истинная правомочная основа современной международной системы государств.⁷⁵ Выражаясь техническим языком, слово «Вестфалия», которое в реальности означает двойной мирный конгресс, подверглось метаморфозе и стало мифом, который представляет и в то же время создает новую реальность, мифическую реальность о современной международной системе государств. И, что более важно, в процессе превращения слова в миф исторические факты и события, окружавшие подписание мира, перестали относиться к делу и стали рассматриваться как неоспоримые. Другими словами, хотя Вестфалия превратилась из *логоса* в *мифос*, она тем не менее продолжает восприниматься как *логос*, а именно как рациональное объяснение происхождения современных международных отношений. Для современных обществ и в особенности для международного сообщества Вестфалия — это реальность, а не выдумка.

Воспринимаясь как неоспоримая и обоснованная истина, что в сущности является человеческой выдумкой, этиологический миф о Вестфалии создал систему убеждений. Этот общественный продукт, таким образом, предоставил общую объясняющую структуру для социально созданной международной действительности и в процессе этого возымел огромное действие на общественное сознание человечества. Более того, учитывая, что миф буквально пропитал всю структуру международного законопорядка — как модель для идеи и как идеал государственного суверенитета в международном праве, — общественная сила, которую Вестфалия продолжает демонстрировать в человеческой действительности, соответственно достигла огромного размаха.

в создании и изменении действительности, включая моделирование общего сознания общества. Данная идея основана на теории Людвиг Виттгенштейна, впервые сформулированной в логически-философских Трактатах (*Tractatus Logico-Philosophicus*, London, 1961) и опубликованной в Германии в 1921 г. (P. 55 ff. & 51 ff., но особенно в его более поздних работах в *Philosophical Investigations* (Oxford, 1958).

⁷³ *Malinowski B. Myth in Primitive Psychology*. London, 1926. P. 23: «В примитивных цивилизациях миф выполнял незаменимую функцию: он выражал, укреплял и кодировал веру, ее гарантию и укреплял нравоучения; он подтверждал силу обрядов и содержал практические законы для руководства людей. Таким образом, миф является неотъемлемой составляющей человеческой цивилизации; это не просто сказка, но напряженно работающая активная сила; это не рациональное объяснение или артистическое воображение, но прагматический закон или примитивная вера и моральная мудрость».

⁷⁴ *Doty W. G. Mythography — The Study of Myths and Rituals*. Tuscaloosa, 1986. P. 44. — Автор пишет: «Начиная со времен Малиновского мы оперируем с более широкой перспективой: в сущности, мы можем различить между моделями общества, представленными в Дюркгеймском смысле определенного зеркального отражения культуры, и моделями общества, когда модель делает очевидными стандарты идеалов, к которым оно стремится». — См. также: *Kluckhohn C. Myths and Rituals: A General Theory* / Harvard Theological Rev. 1942. No. 35. P. 64–66.

⁷⁵ Недавно Уэйн Хадсон говорил о Вестфалии в смысле «выдумки» (см.: *Hudson W. Fables of Sovereignty / Re-Envisioning Sovereignty — The End of Westphalia?* / Eds. T. Jacobsen, C. Sampford & R. Thakur. Hampshire & Burlington: Ashgate. 2008. P. 19).

Действительно, можно представить, например, как эксперты, подобно упомянутому в начале статьи, вовлеченные в международное право и международные отношения, ежедневно используют слово «Вестфалия», не задумываясь об истории Вестфальского мира. Они прибегают к выражению «Вестфальская модель» в большинстве случаев как к удобной «стенографии»⁷⁶ в объяснении фундаментальной юридической основы мировой организации, основанной на принципе суверенного равенства государств,⁷⁷ на которой базируются целая система международных отношений, а также законы международного права.⁷⁸ В заключение отметим, что ссылка на Вестфалию неизменно вызовет, через когнитивный мыслительный процесс, законно уполномоченный образ⁷⁹ нашей «международной системы как ассоциации суверенных государств»,⁸⁰ что в сущности представляет абсолютно невероятную силу, с которой этиологический миф о Вестфалии воздействует, иногда со стратегической целью, на общественное сознание общества.

⁷⁶ *Falk R. A.* The Interplay of Westphalia and Charter Conceptions of the International Order. P. 4.

⁷⁷ Как известно, «суверенное равенство государств составляет основополагающий принцип системы ООН (см. секцию 2(1) Хартии ООН, принятой 26 июня 1945 г. и введенную в действие 24 октября 1945 г.).

⁷⁸ *Harding C.* Statist Assumptions, Normative Individualism and New Forms of Personality: Evolving a Philosophy of International Law for the Twenty First Century // *Non-State Actors & Int'l L.* 2001. No. 1. P. 110. — Автор пишет: «Что может быть свободно сформулировано как “традиционная” модель международного порядка в смысле истории международного права и отношений, а также “современной” или “вестфальской” системы, обычно для удобства, уходит своими корнями в прошлое к отношениям, основанным на сообществе суверенных государств».

⁷⁹ *Koskeniemi M.* The Gentle Civilizer of Nations — The Rise and Fall of International Law 1870–1960. Cambridge, 2002. P. 51. — Автор ссылается на «метафорическое значение Вестфалии».

⁸⁰ *Franck T. M.* The Empowered Self — Law and Society in the Age of Individualism. Oxford; New York, 1999. P. 5.